«Когда я слушаю или читаю Верины стихи, меня преследует желание, как в хорошем фильме или спектакле, хоть бы подольше не кончалась эта роскошь рифм, чувств и мысли».

«Так уж сложилось, что, пожалуй, и для меня этот год запомнится обнаружением Вас. Утром, пока пью кофе, в машине на работу, в плеере. Вы живая, Вам веришь».

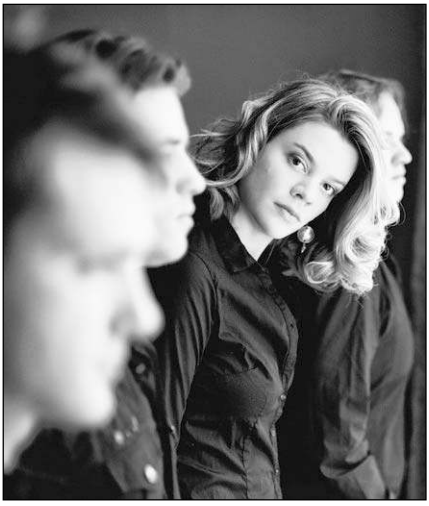
«Лично у меня — мурашки. Никакая поэзия ДО Веры не производила на меня такого впечатления. Не хочу превозносить ее над классикой, другими талантливыми современниками. Просто эти стихи — для меня. Безумно рада, что они существуют. Что Вы, Вера, есть...»

Это фразы из подборки интернет-отзывов о стихах Веры Полозковой.

На протяжении длительного времени в определенных литературных кругах бытует мнение, что чтение стихов сегодня увлекает только тех, кто их пишет, что современная поэзия существует только для поэтов и представляет собой замкнутую систему. Сейчас уже, пожалуй, можно с уверенностью сказать, что ситуация постепенно меняется в сторону неуклонного вхождения рифмованного текста в информационное пространство общества. Во многом это происходит за счет пребывания потенциальных читателей в соцсетях, где видео- и, в большей степени, аудиопоэзия транслируется со страницы на страницу наравне со списками краденых мудрот и рецептов жизни.

Вера Полозкова наряду, скажем, с Д. Воденниковым и Д. Быковым, представляет собой, прежде всего, социальное явление. Она — одна из тех, кого читают и слушают непишущие люди, то есть читатели в прямом смысле слова. Типичная представительница клубной поэзии, имеющая, по нынешним меркам, огромную популярность. Ее цитируют и советуют друзьям рядовые офисные клерки, студенты, инженеры и врачи. Именно поэтому, рассматривая ее творчество, хотелось бы попытаться взглянуть на современную массовую, медийную поэзию в целом и на ее место в социуме.

Что заставляет человека обратить внимание на ту или иную культурную информацию? Для начала созвучие его собственному мировосприятию. Наличие эффекта созвучия мыслям и чувствам современников, или эффекта попадания в настроения масс — главное свойство массовой культуры. Именно оно заставляет уставшую секретаршу прислушаться к аудиоряду, пенсионерку — присесть к те-



Вера Полозкова на своем концерте

леэкрану, а сорокалетнюю молодящуюся бизнес-вумен притормозить автомобиль и сделать звук погромче. Ощущение того, что кто-то выразил их личные переживания, помогает людям не чувствовать себя одинокими и обладает психотерапевтическим эффектом. Собственно, в этом и заключается одна из функций массовой культуры в обществе — удовлетворение эмоциональных потребностей граждан.

Если говорить о Вере Полозковой, то ее стихи в полной мере выражают эмоции людей «среднего класса». Первое из двух основных состояний героинь ее стихов — это страстная влюбленность. Второе — озлобленность на жизнь в сочетании с жалостью к себе, которые естественным образом наступают, когда влюбленность, само собой, проходит. И поскольку немалая доля определенных возрастных групп населения живет именно в пределах этих двух состояний, эффект узнавания себя в героинях у публики наступает мгновенно:

Катя пашет неделю между холеных баб
До сведенных скул.
В пятницу вечером Катя приходит в паб
И садится на барный стул. <...>

Вот когда мы бухали, плакали или грызлись,
Выделялось какое-то жизненно важное вещество.
Нам казалось, что это кризис.
На деле, кризис —
Это ни страдать, ни ссориться, ничего. <...>

От меня до тебя
Расстояние, равное лучшей повести
Бунина; равное речи в поиске
Формулы; равное ночи в поезде
От Південного до Киевского вокзала.
Расстояние, равное «главного не сказала». <...>

Рискну предположить, что ощущение «это мое, это про меня» у более эмоционально благополучной и склонной к дешевому романтизму части потенциальной аудитории вызывают авторы полудневниковых монологов вроде какого-нибудь Евгения Гришковца или Михаила Жванецкого, а у людей, склонных к бунтарству и ощущающих себя жертвами обстоятельств — Вера Полозкова.

Общественная позиция героя (или героини) в стихах Полозковой заключается в грубом противопоставлении индивидуальности системе, оба понятия, само собой, раскрываются очень поверхностно, присутствуют в тексте и воспринимаются поклонниками только на уровне эмоций (опять же озлобленность, разочарование, обида):

Вот смотри — это лучший мир, люди ходят строем,
Смотрят козырем, почитают казарму раем;
Говорят: «Мы расскажем, как тебя сделать стройным»,
Говорят: «Узкоглаз — убьем, одинок — пристроим,

Крут — накормим Ираком да Приднестровьем,
Заходи, поддавайся, делись нескромным,
И давай кого-нибудь всенародно повыбираем,
Погуляем, нажремся — да потихоньку повымираем». <…>

Это мир заменяемых; что может быть смешней твоего протеста.
Поучись относиться к себе как к низшему
Из существ; они разместят чужой, если ты не пришлешь им текста.
Он найдет посговорчивей, если ты не перезвонишь ему.
Это однородный мир: в нем не существует избранных — как и лишних.
Не приходится прав отстаивать, губ раскатывать.
Ладно, не убедишь — но ты даже не разозлишь их.
Раньше без тебя обходились как-то ведь. <…>

Столь скупую гамму эмоций В. Полозкова передает именно с тем уровнем мастерства, которое позволяет достигать живости и жизненности. Чувствуется пожурналистски набитая рука, хорошо обкатанный слог и легкость словесной эквилибристики. Собственно, второе необходимое медийному автору качество, помимо умения улавливать дух времени — это умение писать репортажно. То есть ярко, образно, используя запоминающиеся детали. С этим у Веры Полозковой проблем нет, воссоздаваемые ею ситуации и чувства живы и кинематографичны:

Здесь мы расстанемся. Лишнего не люблю.
Навестишь каким-нибудь теплым антициклоном.
Мы ели сыр, запивали его крепленым,
Скидывались на новое по рублю. <…>

<…> Знаю, что ты скучаешь по мне, нахалке.
(Сам будешь вынимать из башки осколки).
Я узнаю тебя в каждой смешной футболке,
Каждой кривой ухмылке, игре-стрелялке;
Ты меня — в каждой третьей курносой телке. <…>

В творчестве Полозковой немало сюжетных зарисовок, в которых человеческие судьбы и характеры выструганы наспех, по-журналистски топорно. По уровню психологической составляющей они представляют собой что-то среднее между новостными сюжетами с острым социальным подтекстом и сценариями телешоу:

Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой,
Вежливой девочкой, гнесинской недоучкой.
«Вот тебе новая кофточка, не испачкай».
«Вот тебе новая сумочка с крепкой ручкой».
Дочь-одиночка станет алкоголичкой,
Вежливой тетечкой, выцветшей оболочкой,
Согнутой черной спичкой, проблемы с почкой.
Мать постареет и все, чем ее ни пичкай,
Станет оказывать только эффект побочный. <…>

Он умел принимать ее всю, как есть: вот такую, разную:
Иногда усталую, бесполезную,
Иногда нелепую, несуразную,
Бестолковую, нелюбезную,
Безотказную, нежелезную;
Если ты смеешься, — он говорил, — я праздную,
Если ты горюешь — я соболезную.
Они ездили в Хэмпшир, любили виски и пти шабли.
А потом его нарядили и погребли. <…>

При всем этом есть, безусловно, и у Полозковой удачи, связанные с эмоциональной точностью образов и интересными поворотами смысла:

Или даже не бог, а какой-нибудь его зам
поднесет тебя к близоруким своим глазам
обнаженным камушком, мертвым шершнем
и прольет на тебя дыхание, как бальзам,
настоящий рижский густой бальзам,
и поздравит тебя с прошедшим
— с чем прошедшим?
— со всем прошедшим. <…>

<…> Я бы не уходила. Я бы сидела, терла
Ободок стакана или кольцо
И глядела в шею, ключицу, горло,
    Ворот майки — но не в лицо.
Вот бы разом выдохнуть эти сверла —
Сто одно проклятое сверлецо.
С карандашный грифель язык кинжала
(желобок на лезвии — как игла),
Чтобы я, счастливая, побежала,
Как он довезет меня до угла,
А не глухота, тошнота и мгла.
Страшно хочется, чтобы она тебя обожала,
Балова́ла и берегла.
И напомни мне, чтоб я больше не приезжала.
Чтобы я действительно не смогла.

Кажется, во втором отрывке при удачной завязке и хорошем, сильном финале осталось лишь отредактировать всю эту невнятицу со сверлецами в середине текста, но редактировать клубную поэзию — все равно что долго и придирчиво подбирать соус к полуфабрикату. Полуфабрикат предназначен для быстрого утоления голода, а не для получения пользы или удовольствия от вкуса.

Среди стихов Веры Полозковой нет целиком и полностью уникальных: невнимание к слову, бойкие, размашистые мазки при создании картин, техническая небрежность в целом позволяют говорить о конвейерном способе производства текстов.

Когда Стивен уходит, Грейс хватает инерции продержаться двенадцать дней.
Она даже смеется — мол, Стиви, это идиотизм, но тебе видней.
А потом небеса начинают скукоживаться над ней.
И становится все темней.

По большому счету, все слова здесь взаимозаменяемы, каждая деталь может быть удалена без ущерба для текста. Вместо «темней» в конце строфы может быть «страшней», «больней» или любое другое рифмующееся слово, вместо Стива и Грейс — герои любого другого текста Полозковой.

Такие пестрящие деталями, наспех слепленные стихи совершенно очевидно предназначены для массового потребления. Выдает их характер и часто используемая автором весьма популярная в интернет-поэзии стилистика сбивчивого пересказа, иногда сдобренная хмыкающим цинизмом. В речи это выражается обилием разговорных ужимочек и прибауток. Здесь и перемигивание автора с читателем, претензия на панибратство, и с трудом сдерживаемое страдание, боль (ключевое для многих интернет-поэтесс, набившее оскомину слово):

<…> Глянь-ка, волчья сыть, ты едва ли жива на треть,
Ты распорота, словно сеть, вся за нитью нить;
Приходилось тебе о ком-нибудь так гореть,
По кому-то гнить?
Ну какая суть, ну какая божия благодать?
Ты свинцовая гладь, висишь на хребте, как плеть;
Был ли кто-нибудь, кем хотелось так обладать
Или отболеть? <…>

Бэйби-бэйб, что мне делать с тобой такой,
скольких ты еще приводила в дом,
скольких стоила горьких слез им.
Просто чувствовать сладкий ужас и непокой,
Приезжать к себе, забываться сном, лихорадочным и белесым. <...>

Авторам такого толка хорошо удается работа на смысловом уровне эмоциональной душевности. В мире беспрестанно влюбляющихся лирических героев они — как рыба в воде. И, казалось бы, все в порядке — занимают свою нишу: искусство преимущественно обращено к человеческому духу, массовая культура — в основном к эмоциям, наука — к разуму. Печальное впечатление производят попытки авторов ширпотреба сесть не в свои сани и обратиться, например, к гражданской или метафизической лирике (как говорится, «а не замахнуться ли нам, друзья мои, на Вильяма нашего Шекспира?»). Вера Полозкова — не исключение:

Все бегаем, все не ведаем, что мы ищем;
Потянешься к тыщам — хватишь по голове.
Свобода же в том, чтобы стать абсолютно нищим —
Без преданной острой финки за голенищем,
Двух граммов под днищем,
Козыря в рукаве.
Все ржут, щеря зуб акулий, зрачок шакалий —
Родители намекали, кем ты не стал.
Свобода же в том, чтобы выпасть из вертикалей,
Понтов и регалий, офисных зазеркалий,
Чтоб самый асфальт и был тебе пьедестал. <...>

Лихорадочная авторская атака деталями здесь совершенно очевидно бьет мимо цели: выражение идеи свободы в форме горячечного монолога низводит эту идею до уровня категоричной юношеской позы.

Другие попытки Полозковой с освоенным ею техническим инструментарием подойти к серьезной теме производят подчас комический эффект:

По капле, по словцу, по леденцу,
Из воздуха, из радиоэфира,
По номерам, как шарики в лото,
Выкатываясь, едут по лицу
И достигают остального мира
И делают с ним что-нибудь не то
Мои стихи. <...>

Приложи автор немного усилий — и не было бы стихов из леденцов, которые едут по лицу. Но усилия противоречат традициям клубного формата.

Я отнюдь не хочу сказать, что этот формат не нужен. Наоборот, помимо психотерапевтической функции, о которой говорилось выше, массовая поэзия способствует привлечению читателей и в поэзию настоящую. И для авторов, и для читателей главное в этой ситуации, пожалуй, трезвый взгляд на вещи и способность занять свою, а не чужую нишу.

Вера Полозкова, безусловно, сильнее многих других авторов, пишущих в этом формате, в каких-то проявлениях ее творчество выходит за его рамки. Станут ли они ей со временем тесны? Возможно. Но со временем эти рамки неизбежно станут эмоционально и интеллектуально тесны ее читателям, просто в силу того, что их молодость закончится, а следующему молодому поколению вряд ли будет интересно слушать в клубе постаревшую Полозкову с ее любовными томлениями. Веры Полозковы, Стефании Даниловы, Арс Пегасы и иже с ними у каждого поколения свои. Кому-то они помогают выжить, кого-то от них тошнит, а кого-то, возможно, и заставят обратиться к серьезной литературе. Каждому — свое.